

<https://doi.org/10.3176/hum.soc.sci.1965.3.06>

С. ИСАКОВ

О ЛИТЕРАТУРНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЯХ ЭСТОНЦЕВ С ДРУГИМИ НАРОДАМИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ДО 1940 г.

Когда заходит речь об изучении литературных и культурных связей народов СССР, чаще всего имеются в виду межнациональные взаимоотношения советской эпохи.

Но литературные и культурные связи между народами нашей страны возникли и стали играть известную роль в развитии национальных культур уже до революции, когда в силу исторических судеб многие народы оказались в составе одного государства — России.

К сожалению, эти взаимоотношения, в особенности же связи эстонской нации с другими народами СССР, еще слабо изучены.

В данной статье мы и остановимся на вопросах изучения литературных и культурных связей эстонцев с другими народами нашей страны в период до 1940 г. При этом мы сознательно не будем касаться вопросов русско-эстонских связей, поскольку эта большая и сложная проблема заслуживает особого рассмотрения.

*

Эстонцы уже до революции имели возможность в какой-то мере познакомиться с культурой и литературой народов России. Естественно, что особенно тесные связи установились у эстонцев с латышами. Их связывала не только географическая близость, но и общность исторической судьбы. Первые факты эстонско-латышских литературных связей относятся еще к XVIII в.: в известной книге Фр. В. Вильманна «Juttud ja Moistatussed» («Рассказы и притчи», 1782) большинство рассказов и басен восходит к латышскому источнику — к сборнику Г. Ф. Стендера-старшего (G. F. Stenders) «Jaukas Pasakkas in Stahsti» («Прекрасные басни и рассказы», 1766).¹

В XIX в., особенно во второй его половине, культурные да и общественно-политические связи двух народов становятся довольно интенсивными. Этому способствовало и то обстоятельство, что уже в середине XIX в. прогрессивные деятели этих народов осознали необходимость союза для борьбы с общим врагом — особым остзейским режимом, прибалтийскими немцами.

Очень важную роль в развитии связей двух народов сыграл Тартуский университет, который стал одним из крупнейших центров латышской культуры и общественно-политической мысли, где получило образование едва ли не большинство представителей дореволюционной латышской интеллигенции. Первый латышский студент поступил в Тартуский университет уже в 1803 г., и с 1803 по 1917 г. здесь получило образование около полутора тысяч латышей.

В Тартуском университете учился первый латышский философ К. Биезбардис

¹ Walter Anderson, *Läti mõjust eesti vanemas ilukirjanduses*. Fr. W. Willmann'i «Juttud ja Moistatussed». «Eesti Kirjandus» 1925, nr. 9, стр. 385—396, nr. 10, стр. 408—413.

(К. Biezbārdis), который затем, в 1833—1853 гг., работал педагогом в Вильянди.² Он интересовался эстонским фольклором и мифологией, опубликовал несколько статей по этим вопросам в «Inland»³, был автором истории г. Вильянди.⁴ У К. Биезбардиса в Вильянди учились Й. Кёлер, Яак Петерсон, Х. Вюнер, политическому развитию которых он способствовал.⁵

Во второй половине 1850-х гг. в Тартуском университете училась большая группа латышей, в их числе — в будущем крупнейший деятель младолатышского движения Кр. Вальдемар (Кр. Valdemārs)⁶, Ю. Алунан (J. Alunāns)⁷, Кр. Барон (Кр. Barons) и др. В 1857 г. Кр. Барон опубликовал в газете «Mājas Viesis» («Домашний гость», № 7—8) большую статью «Igauņi tautas dziesmas» («Эстонские народные песни»), в которой познакомил латышей с образцами эстонского фольклора (по сборнику Нейса) и первых его обработок в литературе (легенды Ф. Р. Фельмана). В учебник географии «Mūsu tēvzemes aprakstišana un dažī pielikumi isumā saņemti» («Описание нашего отечества и некоторые дополнения в кратком изложении», 1859) Кр. Барон включает описание Эстонии и эстонцев.⁸

Наиболее отчетливо идея дружбы эстонцев и латышей была сформулирована в печати в 1869 г. в статье Карлиса Кундзиня (К. Kundziņš) «Baltijā» («В Прибалтике») в газете «Baltijas Vēstnesis» («Прибалтийский вестник»), № 28 и 29.

Устанавливаются тесные связи между деятелями эстонского и латышского национальных движений.⁹ Вождь младолатышей Кр. Вальдемар находился в постоянных контактах с К. Р. Якобсоном и Й. Кёлером. У них была, по-видимому, договоренность об общих действиях. Кр. Вальдемар неизменно оказывал помощь деятелям демократического крыла эстонского национального движения, в частности, попавшим в беду братьям Петерсонам. Он, по-видимому, сыграл немаловажную роль в публикации книги «Эстонец и его господин».¹⁰ Вальдемар оказывал большое содействие Якобсону в попытках добиться разрешения на издание эстонской газеты. Заметную лепту он внёс в создание газеты «Сакала».

В свою очередь эстонские деятели стремились пропагандировать на родине идеи Кр. Вальдемара. Его книга «Baltische, pamentlich livländische Bauernzustände» (Лейпциг, 1862) была переведена на эстонский язык и распространялась в рукописи. В печати появились переводы на эстонский язык его книг о мореходстве на Балтийском море.¹¹ Работы Кр. Вальдемара печатались в «Сакала». На его кончину откликнулась вся эстонская печать.

² О нём см.: М. Н. Сочнев, К вопросу о развитии мировоззрения Каспара Биезбардиса. «Известия АН Латв. ССР» 1957, вып. 7; M. Soõperts, Kaspars Biezbārdis. Dzīve un pasaules uzskats. Rīgā, 1963.

³ См. Wanderung und Entstehung der Seen nach Ehstnischen Sagen, «Das Inland» 1853, nr. 7, стр. 136—137.

⁴ Materialien zur Geschichte der Stadt Fellin. Archiv für die Geschichte Liv-, Esth- und Curlands, herausgegeben von Dr. F. G. v. Bunge, Bd. I. Dorpat, 1842, стр. 127—172.

⁵ См. об этом: H. Kruus, Eesti ja läti rahvusliku liikumise kokkupuuteist 1860—80-ndail aastail. В кн.: H. Kruus, Eesti ajaloo XIX sajandi teisel poolel. Tallinn, 1957, стр. 221 ja 222.

⁶ О годах его учёбы в Тарту см.: L. Loone, Tartu üliõpilase tutvumine Fr. Engelsi tööga 1857. a. Lisaandmed läti rahvusliku liikumise tegelasest Кр. Valdemarist. «Edasi» 14. jaan. 1958.

⁷ Стихами Ю. Алунана интересовался Фр. Р. Крейцвальд, как явствует из его письма к Кр. Шульцу от 27/IX 1956. Его особенно восхищала звучная рифма Ю. Алунана. См. об этом: L. Tohver, Kreutzwaldi väliskirjanduslikust eruditsioonist. Tartu, 1932, стр. 151.

⁸ K. Kurtsalts, Кр. Barons — eestlaste ja leedulaste sõber. «Läti-Eesti Ühingu Kuukiri» 1936, nr. 1, стр. 44—51.

⁹ Большой материал об этом приведен в вышеуказанной статье акад. Х. Крууса.

¹⁰ L. Loone, Täiendavaid andmeid «Eestlase ja tema isanda» autori kohta. «Keel ja Kirjandus» 1958, nr. 2, стр. 126—128.

¹¹ Meie kaubalaewa-wägi Lääne meres. Hea nõu kuidas teda korda seada. C. Woldemari wene- ja saksakeeli kirjastest üles pantud. Tartu 1868 (перевод К. Р. Якобсона); Meie laewamehed ja laewameeste koolid. Kutsekiri Eesti ranna-äärse rahwale, et nad kauge meresõitudest kaubalaewade peal osa wõtma hakkaksiwad. Kirja pannud C. Woldemar. Wiljandis 1878 (первоначально опубликовано в том же году в «Сакала»).

В 1865—1873 гг. учился в Тарту, а затем работал педагогом в учительской семинарии А. Кронвальд (A. Kronvalds), видный деятель латышского национального движения. Он был лично знаком с Г. Блумбергом, встречался с Я. Хуртом, принимал активное участие в общественной жизни Тарту. А. Кронвальд много писал в латышской печати об Эстонии и эстонцах. В 1870 г. он организовал в Тарту латышские литературные вечера. Его книга «Nationale Bestrebungen»¹² была хорошо знакома эстонским деятелям.

Тартуская учительская семинария, в которой работал А. Кронвальд, имела немаловажное значение в установлении связей и общения между эстонскими и латышскими деятелями; в ней обучалось немало латышей. Еще большую роль в установлении подобных связей сыграла учительская семинария Я. Цимзе (J. Cimze) в Валга, которая в то время была центром подготовки педагогов как для Эстонии, так и для Латвии.

В Эстонии начал свою театральную деятельность основоположник латышского национального театра Адольф Алунан (A. Alunāns). Виды Эстонии (в частности, Нарвы) писал основоположник латышской реалистической живописи Карл Гун (K. Hüns).¹³ Можно было бы привести и другие факты тесных контактов латышских и эстонских деятелей периода национального движения.¹⁴

Это не могло не вызвать соответствующего отклика в Эстонии. На страницах «Ээсти Постимеэс» появляются одно за другим сообщения о Латвии и латышах. Особый интерес в 1869—1870 гг. вызвали первые шаги латышского театра. В исследовательской литературе уже высказывалось предположение, что латышский театр в известной мере послужил примером для эстонцев, при этом с ним П. В. Янсен и Л. Койдула могли ознакомиться и лично.¹⁵

В архиве Л. Койдула был найден немецкий перевод рассказа латышского писателя Индрика Лаубе (Laubes Indriķis, 1841—1889) «Smiltņiekui Andrejs».¹⁶ На 1860-е гг. падает деятельность первого пропагандиста латышской литературы в Эстонии Матса Гранта (1836—1885),¹⁷ который в 1885—1868 гг. издает четыре книги — переводы с латышского. Правда, из них лишь одна — «Wagga neitsit Mai Roos» («Святая дева Май Рооз») — оказывается переводом оригинального произведения латышского автора Юриса Дауге (J. Dauge, 1835—1908) «Turaidas jumprava» («Дева Турайды»). Остальные же оказались «переводами переводов» — в их основе лежат немецкие или иные источники.

Тарту и Тартуский университет продолжали и позже играть очень видную роль в развитии латышской культуры.¹⁸ Здесь в 1888 г. было основано Научно-литературное общество латышских студентов, ставшее одним из центров «Нового течения», издавался альманах «Pürs» («Кладезь»), жил и работал один из крупнейших латышских поэтов конца XIX в. Эдуард Вейденбаум (E. Veidenbaums). Именно тартуские

¹² Otto Kronwald, Nationale Bestrebungen. Erläuterungen zu einem Artikel der Zeitung für Stadt und Land. Dorpat, 1872.

¹³ А. Эглит, Карл Федорович Гун. 1830—1877. Монография. Рига, 1955, стр. 96.

¹⁴ Частично они собраны в книге: М. Pukits, Läti kultuurilugu. Peajooni Läti kirjanduse, kunsti ja muu rahvuskultuuri arengust. Tartu, 1937.

¹⁵ R. Põldmäe, Koidula teater. Tallinn, 1963, стр. 12—14; L. Krigul, Kahe naabri teatrisuhetest. «Edasi» 26. dets. 1961.

¹⁶ M. Pukits, Läti jutt L. Koidula paberites. «Eesti Kirjandus» 1938, nr. 9, стр. 416—418.

¹⁷ M. Pukits, Mai Roos ja selle aine käsitlejad. «Eesti Kirjandus» 1938, nr. 11, стр. 484—491; Tõnu Karma, Tähtpäev Läti-Eesti kultuurisuhete ajaloos. «Pärnu Kommunist» 5. jaan. 1960.

¹⁸ Необходимо отметить, что в Тартуском университете почти с его основания было организовано преподавание латышского языка, а позже и литературы. См. об этом: K. Aaben, Läti keele ja kirjanduse õpetamine Tartu Ülikoolis 1803—1918. «TRÜ toimetised», vihik 51. Tartu, 1957, стр. 15—30. Среди лекторов латышского языка в Тарту мы видим и известного поэта Я. Лаутенбаха (J. Laufenbahs), примыкавшего, впрочем, к направлению реакционного романтизма.

«новотеченцы» в конце 1880-х — начале 1890-х гг. одними из первых заинтересовались марксизмом и начали его пропаганду в Латвии. В этом отношении тартуский центр новотеченцев сыграл важную роль в формировании латышской социал-демократии. Из него вышел один из основоположников латышской социал-демократической партии будущий большевик Фр. Розинь (Азис; Fr. Roziņš — Azis).¹⁹

Очень важно, что с кружком латышских студентов, так называемой Пийпкало-нией (Pīpkaloņija; по имени одного из его организаторов — студента П. Пийпкалея; P. Pīpkalējs), были связаны и эстонцы. Первый толчок к распространению марксистских идей в Эстонии дали, как известно, именно латышские и русские студенты Тарту. С кружком был связан Э. Вильде, который в своем хорошо известном и многократно цитировавшемся письме к Вахтрику подтвердил огромную роль кружка в формировании своего мировоззрения.

Э. Вильде вообще проявил живой интерес к латышской (да, как мы увидим ниже, и не только к латышской) литературе и культуре. В 1889—1890 гг. он работал в Риге в редакции немецкой газеты «Zeitung für Stadt und Land». Здесь же работал известный латышский писатель Рудольф Блауман (R. Blaumanis). Они познакомились. Вильде проявил живой интерес к творчеству крупнейшего латышского реалиста и перевел четыре его рассказа на эстонский язык, снабдив перевод трех из них своим предисловием. Он интересовался латышским театром, был знаком с рядом его деятелей, писал рецензии на латышские спектакли в эстонской печати. Впечатления от рижской жизни дали Э. Вильде материал для его новеллы «Dora Osol».²⁰ В эмиграции, в Швейцарии, в 1906 г. Вильде встретился с Я. Райнисом.²¹

Я. Райнис также был горячим сторонником эстонско-латышского сближения и проявил большой интерес к эстонской литературе и фольклору. В 1903 г. в одном календаре²² он опубликовал перевод отрывков из «Калевипоэга» со своими комментариями. Райнис был знаком и с рядом других произведений эстонских авторов.

В конце XIX — начале XX вв. обмен культурными ценностями между двумя народами становится интенсивнее. Латышская литература в большом количестве переводится на эстонский язык. В деле популяризации латышской литературы среди эстонцев чрезвычайно важную роль сыграл Мярт Пукитс,²³ автор едва ли не большинства переводов; нужно отметить также Й. Ламмаса, А. Ребане и др. Особенно энергично переводятся произведения Р. Блаумана — до 1917 г. появляется 22 перевода (считая и перепечатки), в их числе его лучшие новеллы («Раудупиете», «Сорная трава», «Светлая душа», «Весенние заморозки», «У счастья за пазухой» и др.) и драмы («Воры», «Блудный сын», «Злой дух», «Сладкое вино»). О популярности Р. Блаумана в Эстонии говорят и частые постановки его пьес в начале XX в. как на профессиональной, так и еще больше на любительской сцене.²⁴ Неоднократно ставился «Блудный сын» («Ärakadunud poeg»; в том числе в 1907 г. в «Ванемуйне» в постановке К. Меннинга), «Воры» (предполагают, что эта комедия ставилась в Эстонии не менее 400—500 раз,

¹⁹ О Научно-литературном обществе латышских студентов и его связях с эстонцами см.: K. Aaben, Lāti Teaduslik-kirjandusliku Seltsi tegevusest. «Edasi» 20. apr. 1952. Материал о латышских студентах в Тарту приведен в книге: Gustavs Saunimā, Terbatas universitāte. 1632—1932. Rīgā, 1932.

²⁰ M. Pukits, Eduard Vilde suhted lätlastega. Kirjanduse sirvilauad 1959. Tallinn, стр. 478—480.

²¹ Linda Vilde, Linda Jürmannist ja Eduard Vildest. Rmt.: Eduard Vilde kaas-aegsete mälestustes. Memuaarmaterjale ja dokumente. Tallinn, 1960, стр. 106. Об этом вспоминал и Я. Райнис — см.: Kahe rahva kultuurilised sidemed. Lāti luuletaja ja endine haridusminister J. Rainis. «Waba Maa» 24. veebr. 1928.

²² Saimnieču un Zeltēnu Kalendars 1904. Rīgā, 1903, стр. 1 и след.

²³ О нем см.: биографическая справка в книге Kirjanduse sirvilauad. 1959, стр. 481; «Postimees» apr. 1939; J. Vahtra, Uks vaikne külvaja. «Tänapäev» 1939, nr. 4; «Edasi» 10. apr. 1961, «Sirp ja Vasar» 9. apr. 1961, «Keel ja Kirjandus» 1961, nr. 7, стр. 447 (некрологи).

²⁴ Rudolf Blaumani näidendeid eesti keeles. Eesti Nõukogude teater, II. 1956, стр. 288—290; O. Kuningas, Rudolf Blaumani loomingut eesti lugeja laual. «Looming» 1963, nr. 1, стр. 138—140.

при этом особенно часто на сельской самодеятельной сцене), «Сладкое вино» («Magusast pudelist»), «Дни портных в Силмачах» («Rätsepääd Sillamatsil») и т. д.

Популярными были в Эстонии до революции Ян Акуратер (J. Akuraters; 17 переводов), Аспазия (Aspazija; семь переводов; пьеса «Потерянные права» была в 1915 г. в репертуаре театра «Эстония» в постановке Т. Альтерманна), Я. Порук (J. Poruks; 11 переводов), К. Скальбе (K. Skalbe; 5 переводов), А. Упит (A. Upiis; 9 переводов, правда, среди них преобладают мелочи типа афоризмов) и, в особенности, Андриевс Ниедра (Andrievs Niedra; 24 перевода). Произведения последнего выходили и отдельными изданиями, при этом не только художественные (дважды, напр., издавался его роман «В дыму нови»), но и публицистические работы реакционного направления. Его пьеса «Земля» неоднократно ставилась на эстонской сцене. Это показывает, что эстонские буржуазные круги уже до революции пробовали брать на вооружение реакционную часть латышской литературы.

Всего до революции было переведено на эстонский язык, если судить по данным картотеки Литературного музея им. Фр. Р. Крейцвальда АН ЭССР, 160 произведений латышских авторов (считая и перепечатки). Среди них преобладают работы современных, «новейших» писателей.

Кроме того, на страницах эстонской печати систематически появлялись в большом количестве хроникальные заметки и сообщения о латышской культуре [на страницах наиболее «солидных» газет существовал даже особый раздел «Lätimaalt» («Из Латвии»)], а иногда и специальные статьи по вопросам латышской литературы.

Точного числа переводов эстонских авторов на латышский язык мы не знаем, но в целом их было несравненно меньше. Однако и латышский читатель и зритель мог получить известное представление об эстонской литературе. В этом велика заслуга Лапас Мартиныша (Lapas Mārtiņš или Мярт Лапп, как его называли в эстонской печати),²⁵ который чрезвычайно много сделал для популяризации эстонской литературы в Латвии. В течение более чем 25 лет он систематически информировал латышского читателя (в особенности на страницах газ. «Baltijas Vēstnesis») об эстонской культуре и литературе. Он же перевел на латышский язык ряд рассказов Э. Вильде [«Kānnud ja kābid» («Пни и шишки»), «Dora Osol» («Дора Озол»), «Raha» («Деньги»)], отдельные произведения Ф. Р. Фельмана [«Koit ja Nāmarik» («Койт и Хямарик»)], Фр. Р. Крейцвальда [некоторые сказки из «Eesti rahva ennemuistsetest juttudest» («Старинные эстонские народные сказки»), стихотворения], Л. Койдула, Ю. Кундера, М. Липпа, К. А. Херманна, А. Кицберга [«Püve Peetri «giukad»» (««Козни» Пюве Пээтера»)], А. Хаава и др. Лапас Мартиныш издал сборник эстонских песен на латышском языке с нотами.

К переводам М. Лаппа уже в 1880-е гг. добавился и ряд переложений других лиц. В 1890-е гг. появилось несколько переводов из Ю. Лийва [«Igaräevane lugu» («Обыкновенная история»), затем «Kuulus mees» («Знаменитый человек»), «Esimesed kirjaniku tundmused» («Первые переживания писателя»)]. В эти же годы известный латышский поэт Зваргули Эдуард (Zvārgulu Edvards) переводит ряд стихотворений К. Э. Сэета.

В 1914—1915 гг. на сцене Латышского театра в Риге с большим успехом шли пьесы А. Кицберга «Tuulte pöörises» («В вихре ветров») и «Libahunt» («Оборотень»). Эти же драмы театр под руководством А. Амтман-Бриедита (A. Amtmanis-Briedītis) успешно ставил и после революции. 11 мая 1918 г. драматический кружок 6-го Туккумского батальона латышских красных стрелков также осуществил постановку «В вихре ветров» А. Кицберга.²⁶

Довольно рано начались и гастрольные поездки латышского театра в Эстонию.

²⁵ M. Pukits, Mārt Lapi osa lātlaste ja eestlaste kultuurilises lähendamises. «Lāti-Eesti Ühingu Kuukiri» 1935, nr. 3/4, стр. 52—54; K. E. Sööt, Lisand kirjutisele «Mārt Lapi osa lātlaste ja eestlaste kultuurilises lähendamises». «Lāti-Eesti Ühingu Kuukiri» 1936, nr. 1, стр. 51 ja 52.

²⁶ P s [M. Pukits], Eesti draama Läti kommunistlisel näitelawal. «Eesti Päevaleht Peterburis» 24. mail 1918.

Так 2/X 1890 г. театр Рижского латышского общества в Тарту в помещении Дерптского ремесленного общества показал трагедию А. Дирикиса (A. Dirikis) из крестьянской жизни «Aizgājēji» («Выселенцы»). В спектакле были заняты прославленные актрисы латышского театра Даце Акментыня (Dace Akmentiņa) и Анна Бригадере-Майя (A. Brigadere-Maija), а также Янис Бригадер (J. Brigaders) и др. Рецензент газ. «Постимэс» (4/X 1891), высоко оценивший спектакль, вынужден был признать, что латыши в области театрального искусства значительно опередили эстонцев.

*

Рано установились и эстонско-украинские культурные связи. Еще в 1829—1831 гг. в Тартуском университете учился в будущем видный украинский историк, этнограф и фольклорист Николай Васильевич Закревский (1805—1871), автор истории Киева и своеобразной хрестоматии украинского фольклора «Старосветский бандурист». ²⁷ В течение почти 25 лет он работал преподавателем в школах Пайде и Таллина. Не подлежит сомнению, что через Н. Закревского сведения об украинской культуре проникали в Эстонию.

В Тартуском университете в 1838—1843 гг. учился и соратник Т. Г. Шевченко по тайному обществу Кирилло-Мефодиевское братство Николай Иванович Гулак, сделавший немало для укрепления культурных связей между народами России. Есть некоторые основания предполагать, что в Тарту вокруг Н. И. Гулака группировался небольшой кружок украинских студентов.

В начале 1860-х гг. одним из руководителей тайного революционного студенческого кружка в Тарту стал украинец А. А. Тищинский, участник революционного движения на Украине, позже видный общественный деятель либерального направления. ²⁸ В 1868—1872 гг. профессором русского языка в Тарту был украинец А. А. Котляревский, в молодости также участник революционного движения.

В конце XIX — начале XX вв. в Тартуском университете обучалось много украинских студентов. Здесь учился, а позже и работал Михаил Петрович Косач, ²⁹ украинский ученый, писатель и общественный деятель, брат знаменитой украинской поэтессы Леси Украинки, которая приезжала в 1900 г. к нему в гости в Тарту и прожила здесь несколько недель. ³⁰ Вместе с М. П. Косачем в Тарту находилась его жена — А. Е. Судовщикова, известная в украинской литературе под псевдонимом Грыцько Грыгоренко. В Тарту она опубликовала сборник своих рассказов «Наші люди на селі» (1898), занявший не последнее место в истории украинской литературы. ³¹

Украинские студенты в Тарту сыграли видную роль в развитии украинско-эстонских культурных связей. Уже в 1890-е гг. в Тарту возникли украинские студенческие объединения, вначале нелегальные, и, выражаясь современным языком, украинская художественная самодеятельность. Организовывались украинские вечера. Так, например, 5 ноября 1902 г. украинские студенты в зале «Бюргермуссе» поставили известную пьесу «Бурлака» классика И. Карпенко-Карого. Хор украинских студентов выступал 21 ноября 1904 г. на концертно-драматическом вечере в пользу беднейших эстонских студентов. В 1905 г. было основано просуществовавшее вплоть до революции Музыкально-драматическое общество студентов-малороссов. Оно систематически

²⁷ О Н. В. Закревском см.: Д. И. Эварницкий, К биографии малороссийского этнографа Н. В. Закревского. «Исторический вестник» 1911, т. СХХIV, стр. 211—217; Из бумаг Николая Васильевича Закревского. 1834—1858 гг. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. 8. М., 1901, стр. 285—320; А. Любарский, Слово дружбы. Таллин, 1956, стр. 469—476.

²⁸ П. С. Рейфман, К истории кружка Тищинского, Лебедева, Манассеина. Ученые записки ТГУ, вып. 78. Тарту, 1959, стр. 144—171.

²⁹ С. Г. Исаков, М. П. Косач в Эстонии. Ученые записки ТГУ, вып. 65. Тарту, 1958, стр. 43—68.

³⁰ S. Issakov, Lesja Ukrainka Tartus. «Edasi» 4. aug. 1963.

³¹ О Грыцько Грыгоренко см.: Н. И. Жук, Грыцько Григоренко. «Радянське літературознавство» 1958, № 1, стр. 74—87; Н. И. Жук, Грыцько Григоренко. В кн.: Грыцько Григоренко, Вибрані твори. Київ, 1959, стр. 3—25.

устроивало концерты, драматические представления и литературные вечера, на которых тартуская общественность имела возможность познакомиться с украинским искусством и литературой.

В связи с увеличением количества украинцев в Эстонии наш край начали посещать и украинские драматические коллективы. Еще в сентябре—октябре 1892 г. в Тарту гастролировала труппа Общества русско-малороссийских драматическо-опереточных артистов. В Тарту были показаны почти все лучшие пьесы, созданные к этому времени украинскими драматургами: «Наталка Полтавка» И. П. Котляревского, «Шельменко-денщик» и «Сватань на Гончаровке» Г. Ф. Квитка-Основаенко, «Назар Стодоля» Т. Г. Шевченко, «Мироед, или же паук» и «Дай сердцу волю — заведет в неволю» М. Л. Кропивницкого. В 1896 г. здесь же состоялись гастроли театральной труппы А. Н. Василенко, а в 1906 г. известного коллектива Д. А. Гайдамаки, в который входила талантливая украинская актриса Юлия Степановна Шостаковская, а в репертуаре были пьесы классиков М. П. Старицкого и И. Карпенко-Карого, инсценировки произведений Т. Г. Шевченко. Украинские труппы выступали и в других городах Эстонии.

Эстонский читатель довольно рано получил возможность познакомиться в переводах с украинской литературой. Еще в 1869 г. был опубликован слегка измененный и приспособленный к местным условиям перевод рассказа Марко Вовчка «Казачка», осуществленный Лидией Койдула.³² Этот перевод (под названием «Olesja») появился до первых переложений из русской классики. В 1888 г. был опубликован роман М. П. Старицкого «Перед бурей», в 1890 г. — одна из украинских народных песен. В начале XX в. появляется 12 переводов из И. Я. Франко, при этом известные его рассказы «История кожуха» и «История одной конфискации» переводились дважды, а «Хороший заработок» даже четырежды. Между прочим, один из переводов «Истории кожуха» принадлежал Я. Мяндретсу. Переводятся отдельные рассказы М. Коцюбинского, Л. Мартовича и других — всего свыше двадцати произведений.³³

В Эстонии довольно широко отмечались юбилей Т. Г. Шевченко в 1911 и 1914 гг. На страницах эстонских газет появилось много юбилейных заметок или, реже, статей о Шевченко. Особенно любопытны статьи в пролетарской газете «Тээ Хяэл» («Töö Nääl») в 1914 г. Необходимо отметить, что официально отмечать юбилей Шевченко было запрещено.³⁴

На Украине переводы из эстонской литературы появились тоже довольно рано. В самом конце XIX в. замечательный украинский поэт Павло Грабовский перевел с русского языка на украинский большой цикл стихов эстонских авторов, опубликованный в 1901 г. в журнале «Літературно-науковий вісник». В этот цикл вошло три отрывка из «Калевипоэга» и стихотворение «Priiusele» («Воле») Фр. Р. Крейцвальда, четыре стихотворения Л. Койдула, отдельные стихи М. Веске, Ю. Кундера, Я. Тамма, А. Гренцштейна-Пирикиви и др. авторов — всего 14 произведений. Эти переложения впервые познакомили украинских читателей с эстонской литературой.³⁵

Необходимо отметить, что знакомству украинцев с Эстонией во многом мешала царская цензура, всячески преследовавшая украинское печатное слово. В Центральном Историческом Архиве в Ленинграде сохранилось дело о запрещении цензурой книги некоего К. Г. на украинском языке «Финляндия и Остзейский край (этнографические рассказы)». Причина запрета: подробное повествование о тяжелом положении латышей и эстонцев, страдающих под игом немецких помещиков.³⁶

³² S. Issakov, Marko Vovtšoki «Kasakaneiu» eestikeelsest tõlkest. «Keel ja Kirjandus» 1958, nr. 11, стр. 665—669.

³³ С. Г. Ісаков, З історії українсько-естонських літературних взаємин. «Радянське літературознавство» 1959, № 1, стр. 116—124; S. Issakov, Ukraina kirjandus eesti ajakirjanduses enne 1940. а. «Keel ja Kirjandus» 1963, nr. 6, стр. 377 ja 378.

³⁴ S. Issakov, Suur ukraina poeet ja Eesti. «Looming» 1964, nr. 3, стр. 444—452.

³⁵ S. Issakov, Eesti kirjanduse esimene tutvustaja Ukrainas. «Looming» 1964, nr. 10, стр. 1580—1589.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 25, № 1439 (Журнал заседания СПб цензурного комитета от 15 марта 1895 г.).

Довольно рано установились связи между Эстонией и народами Закавказья. Тартуский университет сыграл исключительно важную роль в развитии армянской литературы. Здесь в 1830—1836 гг. учился и вырос как писатель основоположник новой армянской литературы Хачатур Абовян. В Тартуском университете получили образование еще несколько виднейших деятелей армянской культуры. Во второй половине 1830-х гг. здесь учился армянский публицист Степан Назарян. В 1850-е гг. в Тарту образовался армянский кружок, в который входили в будущем известный поэт Рафаэл Патканян и Геворг Додохян. Этот кружок принимал активное участие в армянской литературной жизни, издал альманах «Гамар-Катипа». В истории армянской литературы деятельность этого кружка иногда рассматривают как особую — «дерптскую» — школу в армянской поэзии. В Тарту учились также армянский ученый-востоковед Керопэ Патканян и известный переводчик Шиллера Геворг Бархударян. Можно сказать, что Тарту стал своеобразным очагом армянской культуры.³⁷ Многие армяне приезжали сюда, не владея армянским языком, и именно здесь изучали его, усваивали идеи национально-освободительной борьбы и становились на путь служения родному народу и отчизне.³⁸

После революции 1905 г. был основан ряд армянских студенческих организаций, сыгравших известную роль в развитии армяно-эстонских связей.

На страницах эстонской печати первые сведения об Армении, как и о Грузии, появились, вероятно, во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Первые переводы из армянской литературы были опубликованы в конце прошлого века. В 1894 г. Э. Вильде перевел, по всей вероятности, с немецкого повесть классика армянской литературы Раффи «Джалаледдин» (в эстонском переводе «Rist ja poolkuu»), а через два года появился перевод стихотворения неизвестного армянского автора «Агтеenia eta ота роjале». Скорее всего это вольное переложение «Песни матери Агаси» Р. Патканяна. Вслед за тем в начале XX в. было напечатано 5 переводов произведений известного писателя-реалиста Вртанеса Папазяна и 7 переводов — Аветиса Агароняна, в 1922—1923 гг. было опубликовано еще 3 перевода произведений этого буржуазного писателя, эмигрировавшего после революции за границу. Всего, если полагаться на картотеку Литературного музея им. Фр. Р. Крейцвальда АН ЭССР, до революции в печати появилось 15 переводов из армянской литературы.

К сожалению, нет данных о том, какие сведения об эстонской культуре имелись в армянской печати. Но уже не случайно то, что в творческом наследии армянского поэта Ваана Теряна имеется стихотворение «Эстонская песня» (1906), навеянное увлечением автора эстонской девушкой Алиной Мугур.³⁹

Довольно рано установились связи между Эстонией и Грузией. Еще в 1860-е гг. в Тбилиси обосновался Пауль Блумберг — публицист и общественный деятель раннего этапа эстонского национального движения. В конце 1870-х гг. сюда приехал учитель Йозеп Рецьльд, который систематически стал освещать на страницах эстонской прессы жизнь Кавказа и, в частности, грузин. Он установил и кое-какие связи с грузинской общественностью. «Кавказские письма» Й. Рецьльда сыграли важную роль в орга-

³⁷ Д-р Л. Тигранян, Немецкий университет в Дерпте и его армянские студенты. «Лума» 1903, № 5—6 (на армянском языке); S. Issakov, Suure sõpruse ajalooost. Armeenia-Eesti kirjandus- ja kultuurisidemetest. «Noorte Hääl» 13. mail 1964; С. Исаков, Из истории большой дружбы. «Коммунист» (Ереван). 21 авг. 1964.

³⁸ Геворг Бархударян рассказывал своим ученикам: «Когда я приехал в Юрьев для поступления в Университет, я совершенно не знал родного языка. Мне стало стыдно перед моими товарищами-армянами. Я стал изучать армянский язык в Юрьеве» (из письма доц. П. Сотникяна автору этих строк от 22/VIII 1964).

³⁹ Камсар Григорян, К истории стихотворения Теряна «Эстонская песня». «Литературная Армения» 1964, № 9, стр. 79—80; S. Issakov, «Eesti laulu» autor. «Edasi» 14. veebr. 1965.

низации первых эстонских поселений в Грузии. В Грузии побывал в 1882 г. Эд. Борнхё. Это пребывание отразилось в нескольких его рассказах. Уже в начале XX в. Грузию посетили Э. Вильде и А. Таммсааре, что нашло отражение в их путевых очерках. В 1902 г. в Тбилиси с органичным концертом выступила Мийна Хярма.

В 1896 г. Адо Гренцштейн в «Олевику Политика Календер» опубликовал три перевода из грузинской классики — стихотворения И. Чавчавадзе, А. Церетели и Г. Эристави. В начале XX в. было переведено еще несколько произведений.

В Грузии первое сообщение об Эстонии, ее народе и об эстонской культуре было напечатано в июле 1899 г. — статья Нино Зурабашвили в журнале «Моамбе».

Важную роль в развитии эстонско-грузинских культурных связей сыграли грузинские студенты в Тарту. В конце XIX — начале XX вв. здесь получили образование примерно 400 выходцев из Грузии, среди них такие видные деятели грузинской культуры и науки, как писатель Г. Робакидзе, медик акад. К. Эристави, композитор К. Поцхверашвили, критик и литературовед М. Абрамишвили, скульптор и искусствовед В. Котетишвили, критик и публицист С. Девдариани и многие другие. Уже с 1898 г. грузинские студенты начали ежегодно устраивать «грузинские вечера», имевшие в Тарту большой успех. В программу вечеров включались грузинские песни и танцы, декламации произведений грузинских авторов и т. д. В первом же вечере принимал участие грузинский хор под управлением известного композитора М. Балачивадзе. На традиционном вечере в 1911 г. выступал грузинский певец Вано Сараджишвили, «соловей Грузии».

Грузинские студенты активно участвовали в эстонском революционном движении. Многие из них шли в авангарде тартуского революционного студенчества.

После революции 1905 г. были основаны две грузинские организации — Грузинское землячество и Общество кавказских студентов, развернувшие заметную деятельность по пропаганде родной культуры. В Грузинском землячестве систематически устраивались литературные вечера, обсуждались актуальные проблемы родного искусства. В обществе принимало участие несколько литераторов (в их числе Кикна Пшавела). Грузинские студенты в Тарту издавали даже рукописный журнал «Кохо». У них, как это явствует, в частности, из воспоминаний Лийны Рейман,⁴⁰ установились кое-какие связи и с эстонской общественностью.⁴¹

*

С литовской культурой и литературой, как это ни странно, в Эстонии до революции были знакомы очень мало. До 1917 г. на страницах эстонской печати появилось лишь три случайных перевода из литовской литературы и фольклора да несколько незначительных заметок. И это несмотря на то, что в Тартуском университете в конце XIX — начале XX в. обучалось несколько литовцев, сыгравших немаловажную роль в истории родной страны. Здесь учился известный литовский писатель социал-демократ Йонас Билиюнас (J. Biliūnas), который первым начал в литовской литературе изображать жизнь рабочих. В 1916 г. в Тарту жил некоторое время основоположник литовской пролетарской литературы замечательный поэт — большевик Юлюс Янонис (J. Janonis). В эстонском революционном движении принимали участие и литовские студенты К. Римша (K. Rimša), К. Пожела (K. Požela), В. Рекашюс (V. Rekašius).⁴² В особенности важную роль играл Казис Римша, который был одним из руководителей революционного комитета в Тарту в 1917 г.⁴³

*

⁴⁰ L. Reiman, Rambivalgus süttib. Mälestusi minu lavateekonnalt. Lund, 1956, стр. 64—108.

⁴¹ Подробнее об эстонско-грузинских связях см.: S. Issakov, E. Suits, Eesti-gruusia kultuuri- ja kirjandussuhete ajaloo. «Keel ja Kirjandus» 1965, nr. 2, стр. 97—104.

⁴² H. Moosberg, Leedu revolutsioonäride tegevusest Tartus. «Edasi» 27. märtsil 1957.

⁴³ О нем очень тепло вспоминает в своих неопубликованных мемуарах «Мои воспоминания» выпускник Тартуского университета Григорий Артемьевич Медникян, ныне известный армянский медик, профессор, заслуженный деятель науки Арм. ССР.

Знакомство эстонцев с литературой народов России нередко протекало сложными, порою причудливыми путями. В этом плане любопытна, например, история первого знакомства эстонских читателей с азербайджанской классикой. Так, недавно литературовед Э. Нирк обратил внимание на источник трех поэтических афоризмов Фр. Р. Крейцвальда, опубликованных в 1878 г. Оказалось, что в их основе лежит стихотворение замечательного азербайджанского поэта XVIII в. Молла Панах Вагифа «Я правды искал...» Но Крейцвальд перевел их с немецкого текста, сообщенного ему берлинским профессором востоковедения В. Шоттом. Причем последний даже не информировал Крейцвальда об источнике и авторе этих афоризмов.⁴⁴ Факт парадоксальный и любопытный, показывающий, какими сложными путями порою доходило до эстонцев творчество поэтов народов России.

В этом плане не менее интересна и история переводов произведений азербайджанского поэта Мирза Шафи Вазеха. Они были довольно многочисленны в конце XIX — начале XX вв. Им отдали дань Пеэтер Якобсон, Юхан Лийв, Анна Хаава да, видимо, и другие поэты. Все эти переводы, конечно, делались с немецких переделок Ф. Боденштедта. Читателями они воспринимались как переложения из некоей восточной литературы вообще.

Также воспринимались большей частью и переводы из классической таджико-персидской литературы, которые начали появляться уже в 80-е гг. прошлого века. Первая публикация 4 стихотворений Хафиза в «Postimehe Lõbu-lisa» («Юмористическое приложение газ. Постимезс») за 1889 г. не случайно была озаглавлена: *Hommiku-maa õied. Eestistanud G. E. Luiga. Hafis'e järele* (Цветы востока. Перелож. Г. Э. Луйга по Хафизу) — и все.

Впрочем, чаще переводы из таджико-персидской литературы обозначались как произведения персидских авторов. Дело в том, что у таджиков и персов в IX—XV вв. существовала единая литература на языке дари или фарси. Обе нации, сформировавшиеся уже после XVI в., имеют равные права на эту литературу, она — их общее достояние. Но в дореволюционной науке эту классическую литературу характеризовали обычно просто как персидскую, что создавало неверное представление о ней, как о якобы не имеющей отношения к словесности народов России. В эстонской печати до 1917 г. появилось около двух десятков переводов из таджико-персидской литературы, в том числе шесть переводов из Саади и рассказ о Фирдоуси. Переводы обычно делались с немецкого или русского.

*

Некоторые литературные контакты устанавливались и с другими народами России; в частности, с белоруссами, татарами, киргизами (нередко под этим названием скрываются казахи) и т. д. Здесь опять нельзя не отметить огромной роли Тартуского университета, в стенах которого обучались представители десятков национальностей. В Тарту учился замечательный осетинский поэт Гадиев Цомак, который принимал активное участие в эстонском революционном движении и среди тартуских друзей которого было немало эстонцев.⁴⁵ Здесь получил образование первый врач из чувашей Алексей Ефремов и т. д.

Знакомство с культурами других народов России у эстонцев зачастую происходило устным путем, благодаря личным контактам эстонцев с другой нацией или ее отдельными представителями. В свою очередь кое-какие сведения об эстонцах и эстонской культуре доходили до других народов России чаще устным, нежели печатным путем.

В деле развития такого рода связей особенно велика роль студентов Тартуского университета — представителей народов России, которые приносили на родину многочисленные сведения о далекой Эстонии, ее народе и культуре. Если в первой половине XIX в., как показывают сохранившиеся мемуары, студенты, проучившись в уни-

⁴⁴ E. Nirk, *Kolm kildu aserbaidžaaani klassikast Kreutzwaldi luulepärandis*. «Keel ja Kirjandus» 1963, nr. 8, стр. 459—460.

⁴⁵ Л. Э. Цховребова, *Жизнь и творчество Гадиева Цомака и русская литература*, [Цхинвали] 1961.

верситете, могли и не вступить в непосредственный контакт с коренным населением и его культурой, то уже со второй половины прошлого столетия это было невозможно. К сожалению, всех путей межнационального культурного общения мы сейчас уже восстановить не можем.

Очень велика в развитии межнациональных культурных связей и роль посредника. Как известно, большинство переводов из литератур народов России на эстонский язык делалось до революции (да и делается вплоть до наших дней) не с оригинала, а с русских и, реже, немецких переложений. В свою очередь, многочисленные переводы из эстонской литературы, как показывает пример П. А. Грабовского, тоже чаще всего делались с русского. Исключение составляют лишь переводы с латышского на эстонский и обратно, хотя и здесь иногда использовался немецкий посредник (так, Э. Вильде перевел Р. Блаумана с немецкого, точно также как Я. Райнис отрывки из «Калевипоэга»).

Русские материалы зачастую служили для эстонцев и непосредственным источником для знакомства с литературой и культурой народов России, также как, по-видимому, вначале иногда и данные немецкой печати. На русском языке уже в конце XIX — начале XX вв. существовала обширная литература о культуре населяющих Россию народов, в том числе и об эстонцах, в особенности же об украинцах, грузинах, армянах, татарах. Она, без сомнения, вообще сыграла важную роль в ознакомлении народов России друг с другом. Но, однако, степень этого знакомства выявить чрезвычайно трудно.

Не менее трудно выяснить, какое значение для развития эстонской литературы и искусства могло иметь знакомство с культурой других народов России.

Здесь особое значение приобрела именно латышская культура, поскольку общения с ней были наиболее интенсивными. В исследовательской литературе уже отмечалось значение для эстонцев опыта латышей в создании национального театра. Точно такую же роль играла иногда и латышская литература. Этот вопрос нуждается в особом рассмотрении.

Еще в 1840-е гг. Суве Яан в авторском вступлении к «Луйге Лаосу» отмечал, что в эстонской литературе отсутствует изображение героических личностей, и ставил в пример эстонцам латышей.

Но особенно симптоматичным в этом отношении представляется утверждение Яана Вахтра о переводах из новейшей латышской литературы (А. Ниедра, Я. Порук, Аспазия, К. Скальбе и др.), которые появились в эстонской печати в начале XX в.: «Должен признать, что это были свежие и живые рассказы и новеллы, более свежие и художественно сильные, чем могла предложить тогдашняя молодая эстонская литература <...> Убежден, что эти переводы М. Пукитса из лучшей части латышской литературы оказали влияние в лучшем смысле этого слова на эстонскую литературу.»⁴⁶

Естественно, еще труднее выяснить вопрос о значении знакомства с эстонской культурой для развития культур народов России в дореволюционный период. Но хотелось бы отметить, что сама постановка этого вопроса не домысел, не гипотеза, ни на чем не основанная. Уже приводились некоторые факты, показывающие, что и эстонская культура и литература порою оказывали воздействие на другие народы России, в особенности, конечно, на латышей.

Кр. Барон, «отец латышских дайн», крупнейший собиратель латышского фольклора, в своей статье 1857 г. об эстонских народных песнях указывал латышам в этом плане на эстонцев, как на пример, которому надо следовать. Когда А. Пумпур (А. Pumpurs) в 1880-е гг. работал над латышским национальным эпосом «Лачплесис», то он использовал при этом и опыт «Калевипоэга». Любопытно, что когда Я. Райнис в 1906 г. задумал создать грандиозный эпос «1905 год», в котором он хотел показать революционную борьбу народа на фоне прошлого, настоящего и будущего человечества, то перед ним встал вопрос о форме такого замысла. Я. Райнис, в числе других

⁴⁶ Jaan Vahtra, Valitud tööd. Mälestusi, vesteid, artikleid. Tallinn, 1961, стр. 276.

произведений, обратился и к «Калевипоэгу».⁴⁷ В основу сюжета своей пьесы «Золотой конь» Райнис положил одну из сказок Фр. Р. Крейцвальда. Кстати, и одна из детских гьес-сказок А. Бригадере (A. Brigadere) создана по мотивам произведений эстонского фольклора.

По-видимому, не случайным является появление стихотворений под одним и тем же названием «Эстонская песня» у замечательного украинского поэта Павло Грабовского (хотя в основе его, как выяснилось, и лежит русский источник) и у армянского классика Ваана Теряна.

Все это говорит о том, что дальнейшее изучение поставленной выше проблемы не является бесперспективным.

*

Период диктатуры буржуазии в Эстонии (1920—1930-е гг.) в известной мере начал перерыв, хотя далеко и не полный, в развитии литературных и культурных общений с народами СССР. Как известно, эстонская буржуазия, боясь «коммунистической заразы с востока», всячески препятствовала развитию этих связей, пыталась поставить барьер между СССР и Эстонией. Она сознательно стремилась ориентировать эстонскую культуру на буржуазный Запад, всемерно поддерживая общения лишь с капиталистическими странами Европы.

Но все же отдельные сведения о развитии культуры народов СССР время от времени проникали в Эстонию, в эстонскую печать. Это можно проследить хотя бы по страницам известного литературного приложения «Kunst ja Kirjandus» («Искусство и литература»). По-прежнему продолжали появляться отдельные, правда, довольно немногочисленные переводы из украинской, грузинской, армянской и других литератур. Увеличилось даже число переводов из таджико-персидской литературы (Хафиз, Омар Хайям, Саади), хотя они и не осознавались как произведения одной из литератур народов СССР.

Большой резонанс имели постановки пьесы украинского драматурга А. Е. Корнейчука «Платон Кречет» на сценах ряда эстонских театров в 1936—1938 гг. («Эндла», «Угала», Нарвский театр, «Каннэль», Тартуский рабочий театр). Это было одно из первых произведений, знакомивших эстонского зрителя с новой жизнью людей страны Советов.⁴⁸

Литературные и культурные связи с народами СССР окончательно не угасли, и это было заслугой прогрессивной интеллигенции Эстонии, которая с интересом присматривалась к великим преобразованиям в стране Советов.

Известный шаг вперед был сделан и в ознакомлении эстонских читателей с культурой угро-финских народов СССР. Хотя этническая угро-финская общность подчеркивалась и раньше, но именно теперь понимание ее вызывает к жизни и интерес к культуре родственных народов.⁴⁹ Этому способствовала и политика буржуазной верхушки Эстонии, которая взяла на идеологическое вооружение лозунг угро-финского единства и мечтала сделать Эстонию центром угро-финских народов.

Но особенно значительный шаг был сделан в развитии латышско-эстонских и литовско-эстонских литературных и культурных связей. И это не случайно. В дальнейшем развитии и укреплении этих связей были заинтересованы и буржуазные круги,

⁴⁷ К. Краулинь, Ян Райнис. М., 1957, стр. 101.

⁴⁸ В этом плане кроме произведения А. Е. Корнейчука можно еще отметить пьесу грузинского драматурга и театрального деятеля Серго Амаглобели «Хорошая жизнь», которая шла в 1937 г. на сцене Таллинского рабочего и Нарвского театров. Впрочем, пьеса С. Амаглобели (1899—1946) написана на русском материале и, по-видимому, на русском языке.

⁴⁹ Julius Mark, Mõned jooned tseremisside, votjakite, sūrjanite ja mordvalaste kääkägust peale 1917. aastat. «Eesti Kirjandus» 1925, nr. 5, стр. 187—203 (в 1929 г. Ю. Марк выступил в Ученом Эстонском обществе с докладом о мордовской литературе — см. об этом: «Postimees» 13. det. 1929); Jul. Mägiste, Votjakite kirjandusest ja kirjanikest. «Lahtised lehed», «Olioni» hinnata kaasanne 1930, nr. 1/2, стр. 12—14; A. R a u n, Moodsest sūrjani ehk komi kirjandusest. «Eesti Kirjandus» 1936, nr. 11, стр. 502—506 и т. д.

и прогрессивная интеллигенция прибалтийских стран, хотя цели тех и других не совпадали.

Правящим кругам Эстонии были близки буржуазные порядки Латвии и Литвы, в сохранении которых они видели один из оплотов в борьбе с коммунизмом. Идея союза капиталистических государств Прибалтики, направленного против СССР, была, как известно, одним из краеугольных камней внешней политики буржуазной Эстонии, по крайней мере 1930-х гг., что нашло отражение в создании Балтийской Антанты. Эстонская буржуазия в связи с этим стала поддерживать и развитие культурных контактов между прибалтийскими странами. С этой целью были основаны Эстонско-Латышское и Эстонско-Литовское общества, проводились балтийские недели культуры и другие субсидируемые правительствами мероприятия. Они особенно участились во второй половине 1930-х гг. Все это придавало известный буржуазный анти-советский привкус и оттенок классовой ограниченности культурным связям прибалтийских народов между собой.

Впрочем, надо учитывать, что во взаимоотношениях между буржуазной Эстонией и буржуазной Латвией далеко не всегда царила гармония. В первые послереволюционные годы, в связи с валгаским и прочими пограничными конфликтами, отношения двух государств были более чем холодными. Поэтому в начале 1920-х гг. никаких особых шагов по укреплению эстонско-латышских культурных связей сверху не предпринималось. Не случайно число переводов с латышского в первые годы диктатуры буржуазии в Эстонии было незначительным.

В развитии эстонско-латышско-литовских культурных связей была заинтересована и демократическая интеллигенция прибалтийских стран. С призывами к дружбе и к развитию культурных контактов между прибалтийскими народами выступали такие видные деятели латышской и литовской литературы, как Я. Райнис,⁵⁰ Я. Судрабкалн (J. Sudrabkalns),⁵¹ Л. Гира (L. Gira). И общие усилия демократической интеллигенции в значительной мере нейтрализовали классовый буржуазный характер эстонско-латышских и эстонско-литовских культурных и литературных связей, делали их средством борьбы за прогресс, демократию, интернационализм.

Что же реально было сделано для развития эстонско-латышских связей?

Во-первых, несколько интенсивнее стала переводческая деятельность. В Латвии появляется группа переводчиков, среди которых в первую очередь надо отметить Элину Залите (E. Zālite), чрезвычайно много сделавшую для популяризации эстонской литературы у соседей. Она перевела на латышский язык «Калевипоэг» Фр. Р. Крейцвальда, романы А. Таммсааре «Хозяин Кырбоья», «Правда и право» и «Жизнь и любовь» (кстати, в 1920—1930-е гг. на латышский язык были переведены почти все основные произведения писателя), ряд новелл Э. Вильде и Фр. Тугласа, роман А. Гайлита «Тоомас Нипернаади», пьесы А. Кицберга [«Neetud talu» («Проклятый хутор»), «Vana vanaga, poog poorega» («Старый со старым, молодой с молодым»), Э. Вильде [«Pisuhänd» («Домовой»)], Х. Раудсеппа [«Mikumärđi» («Микумярди»), «Sinimandria» («Синимандрия)], О. Лутса [«Kapsarepa» («Кочан капусты)], М. Метсанурка, А. Мялька, Я. Кярнера, а также около ста лирических стихотворений разных авторов.

Рихард Вальдес (R. Valdess) перевел некоторые пьесы Х. Раудсеппа, новеллы Фр. Тугласа «Suveõõ argmastus» («Любовь в летнюю ночь»), «Popi ja Nuhuu» («Поппи и Ухуу»), Я. Мьяндметса «Katkiraiutud kaljas» («Разбитый баркас»), рассказы М. Метсанурка, П. Валлака и др.

Успешно работали и другие переводчики: Альфред Кемпе (A. Kempe), Лео Шварц (L. Svarcs), Ян Жигур (J. Žigurs), который в советскую эпоху стал основным переводчиком эстонской литературы на латышский язык.

А. Кемпе опубликовал в 1936 г. в серии «Igaüri rakstnieki» («Эстонские писа-

⁵⁰ Kahe rahva kultuurilised sidemed. Läti luuletaja ja endine haridusminister J. Rainis. «Waba Maa» 24. veebr. 1928.

⁵¹ J. Sudrabkalns, Kirjanduse õitseng. Läti ja Eesti kultuuri ühised teed. «Postimees» 17. nov. 1938.

тели») свою монографию об Э. Вильде, в которую включены и переводы восьми его рассказов. В 1938 г. он же выпустил книгу «Эстонская лирика и основные черты истории эстонской литературы», в которой дал обзор развития эстонской словесности до середины XIX в. и поместил переводы образцов эстонского фольклора (73 народных песни плюс поговорки и пословицы) и лирики конца XVIII — первой половины XIX вв. (О. В. Мазинг, К. Я. Петерсон, К. В. Фрейндлих, И. В. Янсен и др.).⁵² Из-под пера А. Кемпе еще в 1935 г. вышла книжка «Эстонские народные танцы». Свою успешную переводческую деятельность А. Кемпе продолжает и сейчас.

Лео Шварцу принадлежит сборник «Igaüri novelles» («Эстонские новеллы»), в который включены переводы восьми произведений: Фр. Туглас «Inimese vari» («Тень человека»), А. Х. Таммсааре «Tähtis päev» («Знаменитый день»), М. Метсанурк «Maine ike» («Земное иго») и др. Сборник был положительно встречен латышской и эстонской критикой.

Особенно популярным был в Латвии Фр. Туглас — на латышский язык было переведено 15 его произведений,⁵³ о нем много писала критика.⁵⁴ Известный латышский писатель П. Розит (P. Rozītis) в своей рецензии на новеллу «Любовь в летнюю ночь» рекомендовал издать на латышском языке собрание новелл Фр. Тугласа.

У нас нет возможности перечислить все переводы из эстонской литературы в Латвии, но и приведенные выше данные говорят о росте интереса к ней у соседей.

Много переводов из латышской литературы появилось и в Эстонии в годы диктатуры буржуазии, хотя общее число их и не намного превосходит количество дореволюционных переложений. На основе картотеки Литературного музея им. Фр. Р. Крейцвальда АН ЭССР и просмотра периодического издания «Läti-Eesti Ühingu Kuukiri» (Ежемесячник латышско-эстонского общества), выходившего на латышском и эстонском языках в Риге, мы насчитали примерно 145 переводов на страницах прессы (в это число включены и переводы из сборников смешанного содержания) и 29 отдельных изданий латышских авторов на эстонском языке. Фактически число переводов было больше. Часть появившихся в печати переложений не отмечена в картотеке Литературного музея; эти переводы — в особенности анонимные — затерялись на страницах второстепенных газет и сборников, найти их сейчас нелегко; часть переводов по той или иной причине не попала в печать, хотя и получила распространение в машинописи. Это прежде всего относится к пьесам: известно, например, что имелись переводы пьес Р. Блаумана «Indrani», Я. Яунсудрабиня (J. Jaunsudrabiņš) «Narr vaesusest», Я. Райниса «Kuldhobu» («Золотой конь») и др.

На страницах газет и журналов появилось примерно 25 обзорных статей о латышской литературе и искусстве и примерно 160 рецензий и статей об отдельных писателях и их произведениях, включая некрологи и наиболее важные хроникальные заметки.

Впервые появляются переводы из Я. Райниса [19 стихотворений; считая и перепечатки, на страницах сборников, газет и журналов; отдельным изданием — драма «Joosep ja tema vennad» («Иосиф и его братья»), 1928, в переводе К. Абена; свыше тридцати статей, заметок и некрологов писателя]. Наиболее популярными были в Эстонии Карл Скальбе [15 переводов в печати плюс сборник избранных сказок «Rõhja-neitsi» («Дева Севера») 1931, в переводе М. Пукитса], Р. Блауман (8 переводов в прессе плюс 4 отдельных издания пьес и рассказов), Я. Акуратер (12 переводов на страницах газет и журналов плюс два отдельных издания), П. Розит (10 переводов), Я. Яунсудрабиня [8 переводов в печати плюс отдельным изданием очень популярная в Латвии автобиографическая «Valge raamat» («Белая книга»)], Я. Порук, Я. Эзеринь (J. Ezeriņš), А. Бригадере, Э. Вирза (E. Virza) и др.

Этот отбор произведений для перевода показателен. Среди переведенных произве-

⁵² См. рецензии в эстонской печати М. Пукитса («Looming» 1938, № 4, стр. 485—486) и К. Абена («Eesti Kirjandus» 1938, nr. 5, стр. 278—280).

⁵³ Rūta Cērpa, Eesti kirjanduse tõlked läti keeles. «Edasi» 27. juulil 1958.

⁵⁴ Rūta Ošina, Eesti kirjandus läti kriitikas. «Edasi» 27. juulil 1958.

дений мы, правда, видим и работы крупных писателей — демократов Я. Райниса, П. Розита, А. Чака (A. Saks) и даже одного из вождей революционного лагеря в латышской литературе Линарда Лайцена (L. Laicēns; 5 переводов). Но все же показательно полное отсутствие переложений из А. Упита и в то же время обилие переводов произведений националиста Я. Акуратера, талантливого, но поднятого на щит именно буржуазными критиками и ульманисовским режимом К. Скальбе, а также кумира латышской буржуазии крайне реакционного Э. Вирзы. На эстонский язык широко переводились произведения и многих других реакционных писателей националистического толка [А. Эрс (A. Erss), А. Грин (A. Grīns) и др.]. Во всем этом сказывается тот буржуазный привкус, который характерен для латышско-эстонских связей 1920—1930-х гг. Но эта буржуазная струя была все же не в состоянии уничтожить прогрессивное содержание культурных взаимоотношений двух народов.

В роли переводчиков латышской литературы на эстонский язык чаще других выступали М. Пукитс и К. Абен.

Нередкими стали личные контакты эстонских и латышских писателей, обмен писательскими делегациями. В 1930 г. Латвию по приглашению латышских писателей посетил, например, Э. Вильде. Устраивались также литературные вечера, знакомившие слушателей с творчеством писателей соседнего народа.

*

Любопытно, что в Советском Союзе делались попытки познакомить эстонских читателей именно с демократической и революционной литературой Латвии. Так, в 1923 г. в Петрограде вышла в эстонском переводе драма А. Упита «Hääl ja vastukaja» («Голос и эхо»; в 1923—1924 гг. эта пьеса ставилась и на эстонской сцене в Ленинграде); отдельные произведения латышских авторов печатались на страницах советской эстонской периодики: в журнале «Леэгид», например, появился в 1930 г. (№ 10/11) рассказ А. Курция (A. Kurcijs) «Liiderid», в 1933 г. (№ 8/9) перевод рассказа латышского писателя А. Кадикиса-Грозного (A. Kadikis-Groznijs), жившего и творившего в СССР, «Kaupitist».

На страницах эстонской печати в СССР в 1920—1930-е гг. печатались иногда и переводы из других советских национальных литератур. Так, в том же журнале (точнее, в литературном приложении к газете «Эдаси») «Леэгид» были напечатаны в 1930 г. (№ 4/5) переводы трех стихов крупнейшего украинского советского поэта Павло Тычины, в том числе его знаменитого «На майдане» (переводчик — А. Р., вероятно — Айн Ранналээт).

Развивались театральные связи двух народов. На сценах латышских театров шло много пьес эстонских авторов. В репертуаре крупнейшего в Латвии Национального театра, во главе которого стояли Я. Райнис (до 1925 г.) и А. Амтман-Бриедит, были пьесы Э. Вильде «Pisuhänd» («Домовой, 1933; в 1934 г. эта же пьеса шла на сцене театра Северной Латвии и Даугавпилсского театра), А. Кнцберга «Kauka Jumal» («Бог мощны»), Х. Раудсеппа «Mikumärdi» («Микумярди»), «Salongis ja kongis» («В салоне и тюрьме»), «Roosad prillid» («Розовые очки»), М. Метсанурка «Haljal oksal» («На зеленой ветке»). Особый успех выпал на долю спектакля 1930 г. «Микумярди». Во втором ведущем латышском театральном коллективе — Художественном театре, во главе которого был Эдуард Смильгис (E. Smilģis), шла комедия О. Лутса «Karsarea» («Кочан капусты») и инсценировка Э. Залите по роману А. Таммсааре «Tõde ja õigus» («Правда и право»). Кроме того, в театрах Латвии ставились пьесы А. Кнцберга «Neetud talu» («Проклятый хутор»; Передвижной театр) и «Vapa vapaga, poog poogega» («Старый со старым, молодой с молодым»; театр в Елгаве), М. Метсанурка «Mässu vaim» («Мятежный дух или народ с окраин входит в историю»; Рабочий театр), А. Мьялка «Uus aeg» («Новое время»; передвижной театр «Крестьянская драма») и др.

На эстонской сцене ставилось меньше пьес латышских авторов. Чаще других — пьесы Р. Блаумана («Индраны» — в 1923 г. в театре «Эстония», в 1933 г. в «Ванемуйне», в 1935 г. в Нарвском театре; «Дни портных в Силмачах» — в 1925 и 1938 гг.

в театре «Ванемуйне», в 1938 г. — в Таллинском рабочем театре в постановке П. Пылдрооса и в театре «Сяде»; есть сведения, что ставилась также пьеса «В огне»).

В 1930 г. Таллинский рабочий театр поставил пьесу А. Упита «1905». Постановка явилась сенсацией. Дело в том, что Рабочий театр, не имевший своего постоянного помещения, должен был выступать с пьесой на сцене Немецкого театра. Но руководство последнего, возмущенное разоблачением в пьесе жестокости и садизма немецких баронов при подавлении революции 1905 г., отказалось предоставить Рабочему театру свое помещение. Это вызвало многочисленные отклики в печати и наплыв публики на спектакли, для представления которых с трудом был найден подходящий зал.

В 1931 г. пьесу А. Упита «1905» поставил и Тартуский рабочий театр.

Кроме того, на эстонской сцене ставились детские пьесы Анны Бригадере «Põialpoiss» («Мальчик с пальчик»; Драматическая студия, 1931) и «Suur saak» («Большой урожай»; учебная группа Таллинского рабочего театра, 1937), Э. Залите «Iga-vesti mehelik» («Вечно мужественный»; Таллинский драматический театр, 1939), М. Зиверт (М. Ziverts) «Mülka soo» («Топь»; 1938 — «Ванемуйне», «Эндла», «Каннель», 1939 — «Угала», Нарвский и Курессаарский театры) и некоторые другие.

Нередки стали взаимные гастроли театральных коллективов. Еще в сентябре 1918 г. в Тарту гастролитовал так называемый Временный национальный театр.⁵⁵

В 1931 г. таллинский театральный коллектив Драматическая студия с успехом ставил в Риге «Микуярди», в 1936 г. он же показал рижанам инсценировку «Mauruse I. järgu koolis» («В школе Мауруса») по второй части романа А. Х. Таммсааре «Правда и право».

В 1934 г. латышский Национальный театр показал в помещении театра «Эстония» драму Р. Блаумана «В огне», а в 1935 г. театр «Эстония» в Риге в помещении Национального театра — «Vedelvorst» («Лодырь») Х. Раудсеппа. Нередки были гастрольные выступления латышских певцов [М. Брехман-Штенгеле (М. Brehmane-Stengele), А. Кактынь (А. Kaktiņš), Н. Васильев, В. Стотс (V. Stots) и др.] в таллинской опере и эстонских певцов (О. Торокофф-Тидеберг, Й. Аав-Лоо, М. Тарас и др.) в рижской.

Сравнительно широко практиковались взаимные гастроли хоровых коллективов. Латышские хоры принимали участие в эстонских певческих праздниках.⁵⁶

Эстонская художественная выставка состоялась в Риге в 1926 г., латышская — в Таллине в 1936 г. Кроме того, в 1933 г. в Риге имела место выставка эстонского народного искусства и одновременно в Таллине выставка латышского народного искусства. В 1935 г. в связи с празднованием четырехсотлетия эстонской книги в Риге открылась эстонская книжная выставка.

*

Эстонско-литовские культурные и литературные связи были несравненно менее интенсивными. В эстонской печати появился лишь 31 перевод произведений литовских авторов, причем ни один из них не вышел отдельным изданием,⁵⁷ да 52 статьи или заметки о литовской литературе.⁵⁸ При этом подавляющее большинство материалов

⁵⁵ Aug. G[ailit], Lāti Ajutise Rahvusteatri külaskäigu etendus oli eila õhtul «Vanemuise» teatris. «Postimees» 11. sept. 1918.

⁵⁶ Обобщающий материал об эстонско-латышских культурных связях, в том числе и о музыкальных, приведен в статьях: L. Jeruma-Lietina, Lāti ja Eesti kultuuriline koostöö. «Lāti-Eesti Ühingu Kuukiri» 1935, nr. 2, стр. 23—28; G. Ney, Balti rahvaste kultuurilised suhted. Seniseid saavutusi ja edaspidiseid väljavaateid. «Lāti-Eesti Ühingu Kuukiri» 1935, nr. 3/4, стр. 29—40.

⁵⁷ Впрочем, в печать проникли сведения, что в Эстонии готовилась антология литовской литературы в эстонских переводах, которая должна была выйти в издательстве «Noor-Eesti» в Тарту. В ней должны были быть опубликованы работы V. Kreve, J. Savickas'a, P. Cvirka, а также статья В. Миколайтис-Путнина «Rahvuslik idee Leedu kirjanduses». См. об этом: Leedu-Eesti kultuurilised sidemed. «Lāti-Eesti Ühingu Kuukiri» 1937, № 3, стр. 38. Дальнейшая судьба предполагавшейся антологии нам неизвестна.

⁵⁸ При составлении этих справок мы использовали библиографию в дипломной работе: Mihkel Loodus, Leedu kirjanduse tutvustamine Eesti perioodikas. Tartu, 1960 (машиннопись), стр. 90—92, 102—105 (ср. также стр. 7—15, 32—35). Впрочем,

появилось в печати уже во второй половине 1930-х гг. Выбор произведений для перевода был случаен. Художественную ценность имеют в сущности лишь переводы рассказа П. Цвирки (P. Cvirka) «Kurpès» («Kingad») да несколько стихотворений Л. Гиры и С. Нерис (S. Neris). Остальные же переведенные произведения принадлежат перу малоизвестных литераторов и не представляют интереса. Большинство поэтических переводов сделано Алексисом Раннитом, который был и автором ряда статей о литовской литературе на страницах эстонских газет и журналов.

Существовали и иные формы литературных связей между Эстонией и Литвой. На праздновании 400-летия эстонской книги в Таллин в 1935 г. приезжали известные литовские писатели-демократы — В. Миколайтис-Путинас (V. Mikolaitis-Putinas) и Л. Гира (до этого был в Эстонии в 1926 г.), последний стал горячим сторонником и пропагандистом эстонско-литовского культурного сближения. В 1936 г. Л. Гира даже занимался составлением антологии эстонской поэзии на литовском языке.⁵⁹ Торжественный акт в честь того же юбилея состоялся и в Каунасе, на нем выступили с эстонской стороны Х. Виснапу, а с литовской — Л. Гира. В конце 1935 г. в Таллине в театре «Эстония» состоялся вечер литовской литературы, на котором выступила группа молодых литовских писателей. В начале же 1936 г. состоялся ответный вечер молодых эстонских авторов (в их числе Бетти-Альвер) в Каунасе.

Все это способствовало установлению более тесных контактов между эстонскими и литовскими писателями. У известного литовского критика прогрессивного направления, ныне академика и виднейшего литературоведа К. Корсакаса (K. Korsakas) завязались дружеские отношения с Фр. Тугласом, кое-что из произведений последнего он перевел на литовский язык.⁶⁰ В свою очередь в эстонской печати появилась обобщающая статья К. Корсакаса «Ühiskondlikud motiivid leedu uues kirjanduses» («Общественные мотивы в новой литовской литературе»)⁶¹

В 1937 г. в литовской газете «Literatūros Naujienos» («Литературные новости», № 4/5) Л. Гира выступил с проектом создания прибалтийского союза писателей для сближения эстонских, латышских и литовских литераторов. Л. Гира разработал план мероприятий в этом направлении, который включал взаимное посещение, обмен информацией, организацию лекций и литературных вечеров, издание общих альманахов и бюллетеней. Это было попыткой объединить прибалтийских писателей на демократической основе.

В связи с этим в 1936—1939 гг. и литовцы более близко знакомятся с эстонской литературой. Появляются переводы произведений эстонских авторов, хотя количество их невелико.⁶² Отдельным изданием на литовском языке выходит роман А. Гайлита «Тоома Нипернаади», в периодической печати появляются переводы рассказов Фр. Тугласа «Inimese vari» («Тень человека») и «Suveöö armastus» («Любовь в летнюю ночь»)⁶³, Ю. Лийва «Ule Peipsi järve» («На Чудском озере»), П. Валлака «Südamevallutamine» («Покорение сердца»), Р. Сирге «Revidendid» («Ревизоры»), а также некоторых других.

Каунасский государственный театр в 1936 г. включает в свой репертуар пьесу

в библиографии М. Лоодуса, ныне известного переводчика литовской литературы на эстонский язык, имеются и пропуски: так, например, отсутствует 4 перевода А. Раннитом стихотворений М. К. Ciurlionis'a (vt. «Kunst ja Kirjandus» 25. apr. 1937, nr. 16, стр. 63).

⁵⁹ См. об этом: A. Rannit, Liudas Gira 50. Eesti kultuuri populariseerija juubel Leedus. «Kunst ja Kirjandus» 23. aug. 1936, стр. 125.

⁶⁰ Костас Корсакас, Поэзия и критика. «Вопросы литературы» 1964, № 12, стр. 39.

⁶¹ «Looming» 1937, nr. 4, стр. 446—451.

⁶² По подсчетам М. Лоодуса до 1940 г. в литовской печати появилось лишь 8 переводов из эстонской литературы; еще три переложения было напечатано в годы фашистской оккупации. Приносим глубокую благодарность М. Лоодусу за помощь в освещении эстонско-литовских литературных связей.

⁶³ В статье Paul Ambur, Eesti proosa- ja näitekirjanduse tõlkeist võõrkeeltesse. «Varamu» 1939, nr. 4, стр. 444—445, отмечены еще переводы на литовский язык «Taevaskoja asunik» А. Гайлита, «Laul näljale» и «Naab» Фр. Тугласа.

Э. Вильде «Домовой», а театр в Клайпеде — «Оборотень» А. Кишберга.⁶⁴ Еще раньше на сцене литовского театра шла комедия Х. Раудсеппа «Микумярди».⁶⁵

В 1930-е гг. нередко взаимные гастрольные поездки литовских и эстонских артистов и музыкантов. В Таллине выступали литовские певцы К. Петраускас (K. Petrauskas) и В. Йонушкайте-Заунене (V. Jonuškaite-Zauniene). В 1937 г. в Таллине состоялась Литовская художественная выставка.

Но в целом литовско-эстонские связи не получили и в годы диктатуры буржуазии большого развития.

*

Таковы в самых общих чертах были до 1940 г. литературные и культурные связи эстонцев с народами, ныне входящими в состав нашей страны Союза Советских Социалистических Республик.

Как видим, хотя эти связи не были особенно интенсивными (если не считать эстонско-латышских), все же они имели место. Это опровергает еще недавно господствовавшую концепцию (ее и сейчас кое-кто пытается защищать в эмигрантской печати в Швеции, США и Западной Германии) о том, что между Эстонией и другими народами СССР никогда не было никаких связей, поскольку эстонцы принадлежат к миру некой «западной цивилизации» и эстонская культура всегда ориентировалась только на Запад.

Но подлинный расцвет литературных и культурных связей эстонского народа с другими народами СССР, действительно, наступил лишь после восстановления в Эстонии советской власти в 1940 г.

Тартуский государственный университет

Поступила в редакцию
18/III 1965

S. ISSAKOV

EESTI KIRJANDUSE JA KULTUURI SIDEMETEST TEISTE NÕUKOGUDE LIIDU RAHVASTEGA ENNE 1940. AASTAT

Resümee

Kirjandus- ja kultuurisidemed eestlaste ja teiste meie maa rahvaste vahel tekkisid juba küllaltki kaua enne Oktoobrirevolutsiooni.

Kõige vanemad neist on eestlaste ja lätlaste vahelised kirjanduslikud suhted. Tartu oli üheks «noorlätlaste» (K. Biezbārdis, Kr. Valdemārs, J. Alunāns, Kr. Barons, A. Kronvalds jt.) ja hiljem «uue voolu» (E. Veidenbaums jne.) keskuseks. Kujunes välja vahetu kontakt läti ja eesti (J. Kōler, C. R. Jakobson) rahvusliku liikumise juhtivate tegelaste vahel. XIX sajandi lõpul ja XX alguses tõlgitakse eesti keelde umbes 160 läti kirjanike teost, eriti populaarsed olid R. Blaumanis ja A. Niedra. Tõlkimisega tegelevad E. Vilde, M. Pukits jt. Tänu esmajoones Lapas Mārtiņši jõupingutustele ilmuvad paljude eesti kirjanike teoste tõlked ka läti keeles. Sajandi alguses mängitakse eesti lavadel tihti-peale läti dramaturgide teoseid, niisama nagu eesti kirjanike näidendeid Lätis.

Varakult tekkisid kultuurisidemed ka eestlaste ja teiste meie maa rahvaste vahel. Tartu ülikoolis õppisid paljud ukraina (N. Zakrevski, N. Gulak, M. Kossatš jne.), armeenia (H. Abovjan, S. Nazarjan, R. Patkanjan jne.), gruusia (G. Robakidze, M. Abramišvili, N. Kotetišvili jne.) ja leedu (J. Biliūnas) noored. Nad soodustasid oma maades andmete levimist Eesti kultuuri kohta ja tutvustasid ka Eestis oma maa kunsti ja kirjandust. Veel enne 1905.—1907. aasta revolutsiooni ilmuvad eesti perioodikas tõlked ukraina (esimene nendest oli Marko Vovtšoki «Kasakaneiu» 1869. a. L. Koidula tõlkes), armeenia (Raifi, V. Papazjan, A. Aharonjan jne.), gruusia (I. Tšavtšavadze, A. Tsereteli jne.), aserbaidžaaani (Mirza Saffi Vasehh) ja tadžiki-pärsia (Hafis, Saadi jne.) kirjandusest. Mõnikord jõudis Venemaa rahvaste kirjandus Eestisse kül-

⁶⁴ Eesti näidendid Leedus. «Läti-Eesti Ühingu Kuukiri» 1935, nr. 3/4, стр. 74; A. Kitzbergi «Libahunt» Kлайпедa teatris. «Uus Eesti» 8. märtsil 1936.

⁶⁵ Leedulane oma teatrist. «Vaba Maa» 9. dets. 1936.

laltki keerulisi ja isegi kummalisi teid pidi. Üheks niisuguseks olid Fr. R. Kreutzwaldi poeetilised aforismid, mis põhinevad aserbaidžaaani poeedi Molla Panahh Vagifi luuletusel. Tehakse ka esimese katseid tõlkida eesti kirjandust meie maa rahvaste keeltesse (ukraina luuletaja P. Grabovski tõlked). Suurem osa neist tõlgetest ei ole tehtud vahetult originaalist, vaid vene või saksa ümberpanekute järgi.

Tutvumisel teiste rahvaste kultuuriga, eriti läti omaga, oli mõningane tähtsus ka eesti kirjanduse ja kunsti arengule. Samal ajal kajastus eesti kultuuri tundmine läti (A. Pumpurs, J. Rainis jne.) ja isegi armeenia (V. Terjani «Eesti laul») kirjanike loomingus.

Kodanlik-natsionalistliku diktatuuri ajal (1920—1940) katkesid mõneks ajaks kultuurialane ja kirjanduslik suhtlemine Nõukogude Liidu rahvastega, kuid tugevnes kontakt Läti ja Leeduga, mida soodustas ka kodanliku Eesti välispoliitiline orientatsioon. Märgatavalt suureneb tõlgete arv eesti keelest läti keelde, eriti suured teened sel alal on tõlkijal E. Zälitel. Eesti kirjanike (E. Vilde, H. Raudsepa, A. Kitzbergi jt.) näidendeid mängitakse sageli läti lavadel. Läti kirjandusest ilmub eesti perioodikas umbes 145 tõlget ja 29 omaette raamatut. Produktiivsemateks tõlkijateks olid M. Pukits ja K. Aben. Sageli võtsid läti autorite näidendeid oma repertuaari ka eesti teatrid. Kujunevad välja teistsugusedki kirjanduslike ja kultuurisidemete vormid Eesti ja Läti vahel, nagu kirjanike isiklikud kokkupuuted, vastastikused teatri- ja muusikalavastused ning mõningate näitlejate külalissetendused, kunstinaütused jne. Eesti ja Leedu suhtlesid omavahel vähem, kuigi 1930-ndate aastate lõpul on märgata selles teatud elavnemist. Kuid nii Eesti ja Läti kui ka Eesti ja Leedu suhetes ilmneb aeg-ajalt teatud kodanlik ja isegi nõukogude-vastane tendents.

Kirjandus- ja kultuurisidemete tõeline õitseng eesti ja teiste meie maa rahvaste vahel sai võimalikuks alles peale 1940. aastat.

Tartu Riiklik Olikool

Saabus toimetusse
18. III 1965

S. ISSAKOW

ÜBER DIE LITERARISCHEN UND KULTURELLEN BEZIEHUNGEN DER ESTEN ZU DEN ÜBRIGEN VÖLKERN DER SOWJETUNION VOR DEM JAHRE 1940

Zusammenfassung

Die literarischen und kulturellen Beziehungen der Esten zu den übrigen Völkern der Sowjetunion greifen schon in die Zeit vor der Oktoberrevolution zurück.

Die ältesten Verbindungen dieser Art bestanden zwischen den Esten und den Letten. Tartu wurde zu einem Mittelpunkt der «junglettischen» Bewegung (K. Biez-bārdis, Kr. Valdemārs, J. Alunāns, Kr. Barons, A. Kronvalds u. a.) wie später der «Neuen Strömung» (E. Veidenbaums u. a.). Vorkämpfer für die nationale Idee in Estland (J. Köler, C. R. Jakobson) und Lettland suchten miteinander Fühlung. Ende des 19. und Anfang des 20. Jahrhunderts wurden etwa 160 Werke lettischer Verfasser, vorzugsweise solche von R. Blaumanis und A. Niedra, ins Estnische übersetzt. Zu den Übersetzern gehörten E. Vilde, M. Pukits u. a. Der Übersetzungstätigkeit von Lapas Mārtiņš ist es hauptsächlich zu verdanken, dass eine Reihe Werke der estnischen Literatur dem lettischen Leser zugänglich wurde. Am Anfang des 20. Jahrhunderts waren Aufführungen lettischer Schauspiele auf estnischen Bühnen, ebenso der umgekehrte Fall, keine Seltenheit mehr.

Recht früh entwickelten sich auch die kulturellen Beziehungen der Esten zu einigen anderen Völkern Russlands. An der Tartuer Universität studierten viele Ukrainer (N. Sakrewski, N. Gulak, M. Kossatsch u. a.), Armenier (Ch. Abowjan, S. Nasarjan, R. Patkanjan u. a.), Grusinier (G. Robakidse, M. Abramischwili, W. Kotetischwili u. a.), Litauer (J. Biliūnas) sowie Vertreter einiger anderer Völker Russlands. Durch die Vermittlung dieser Studenten verbreitete sich das Wissen um die estnische Kultur ausserhalb der Grenzen Estlands, während die Esten ihrerseits Kenntnis von kulturellen Errungenschaften — der Kunst und Literatur — vieler anderer Völker erhielten. Schon vor der Oktoberrevolution brachte die estnische Presse Übersetzungen aus dem Ukrainischen (als erstes im Jahre 1869 «Die Kosakin» von Marko Wowschok, von L. Koidula übersetzt), dem Armenischen (Raffi, W. Papisjan, A. Aharonjan u. a.), dem Grusinischen (I. Tschawtschawade, A. Tsereteli u. a.), dem Aserbaidshianischen (Mirza Schaffy Waseh) und dem Tadshikisch-Persischen (Hafez, S'adi u. a.). Es kam aber auch vor, dass der estnische Leser mit einem Werke auf Umwegen, zudem recht sonderlichen,

Bekanntheit machte. So liegt z. B. den poetischen Aphorismen Fr. R. Kreutzwalds ein Gedicht des aserbaidshanischen Poeten Molla Panah Wagif zugrunde. Es werden auch Versuche gemacht, Werke estnischer Schriftsteller in verschiedene Sprachen der Völker Russlands zu übersetzen (z. B. die Übersetzungen des ukrainischen Dichters Grabowski). Die meisten dieser Übersetzungen sind jedoch nicht nach den Originalen, sondern nach deren Übertragungen ins Russische oder Deutsche angefertigt.

Die Einsichtnahme in die Kultur anderer Völker, insbesondere der Letten, war nicht ohne Einfluss auf die Entwicklung der estnischen Literatur und Kunst. Gleichzeitig lassen sich auch Widerspiegelungen der estnischen künstlerischen Kultur im literarischen Schaffen der Letten (J. Rainis, A. Pumpurs u. a.) und sogar der Armenier («Das estnische Lied» von W. Terjan) verfolgen.

Die Zeit der bürgerlich-nationalistischen Diktatur (1920—1940) bedeutete eine Unterbrechung der literarischen und kulturellen Kontakte zwischen Estland und den Völkern der Sowjetunion. Dafür festigten sich, durch die aussenpolitische Einstellung Estlands begünstigt, die Beziehungen zu Lettland und Litauen. Die Zahl der Übersetzungen aus dem Estnischen ins Lettische stieg beträchtlich an, was zu einem grossen Teil das Verdienst der lettischen Übersetzerin E. Zāliņa war. In Lettland wurden Theateraufführungen estnischer Bühnenwerke (von E. Vilde, H. Raudsepp, A. Kitzberg u. a.) häufiger. Etwa 145 Übersetzungen von Werken lettischer Schriftsteller erschienen in der estnischen Presse, dazu kamen 29 in Buchform. Die Übersetzung wurde in der Hauptsache von M. Pukits und K. Aben besorgt. Die estnischen Theater bereicherten ihr Repertoire durch die Aufführung lettischer Bühnenwerke. Auch andere Formen literarischer und kultureller Beziehungen bildeten sich heraus, so z. B. die persönliche Fühlungnahme zwischen Schriftstellern beider Länder, gegenseitige Gastvorstellungen von Theater- und Musikkollektiven wie auch einzelnen Künstlern, Ausstellungen von Werken der bildenden Kunst u. a. m. Weniger rege waren die estnisch-litauischen kulturellen Beziehungen, doch zeigte sich hier in der zweiten Hälfte der dreissiger Jahre unseres Jahrhunderts eine gewisse Belebung. Doch sind die estnisch-lettischen wie auch die estnisch-litauischen kulturellen Beziehungen der Jahre 1920—1940 nicht selten durch eine gewisse bürgerliche, wenn nicht gar sowjetfeindliche Einstellung charakterisiert.

Zu voller schöpferischer Entfaltung gelangten die kulturellen Beziehungen des estnischen Volkes zu den anderen Völkern der Sowjetunion erst nach 1940.

Tartuer Staatliche Universität

Eingegangen
am 18. März 1965